

В. В. ФЕДОСЕНКО, К. БҮЙТЕКҰЛЫ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ РЕКОМЕНДАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХ- СТАН НА ПРИМЕРЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ПРЕСТУПНОСТИ

В связи с различиями, которые выражают общественно-исторический период для каждой страны в отдельности, ее демократические ориентиры и уровень их реализации в условиях реально действующего политико-правового режима, можно утверждать, что для каждого государства, в том числе и для Казахстана, проблемы имплементации сопрягаются со сложнейшими внутригосударственными политическими, правовыми, экономическими, социальными и культурными ценностями, сложившимися обычаями и традициями.

В данной связи, на наш взгляд, возникает проблема идентичности механизма имплементации и реализации норм международного права. Реализацию ожидаемого результата, вкладываемого международным сообществом в те или иные нормативные рекомендации, трудно осуществить непосредственно в условиях несовершенства национального законодательства. Данное положение можно проследить на примере терроризма и коррупции.

Анализ проблем имплементации правового регулирования борьбы с коррупцией показал, что важное место при этом занимают меры уголовно-правового характера, применяемые к лицам, совершившим наиболее опасные коррупционные преступления. Однако, понятия коррупционных преступлений и отдельных преступлений этой категории не закреплены законодательно. В связи с этим не только теоретическое, но практическое значение для полноценной имплементации международных норм рекомендательного характера во внутринациональное законодательство имеет определение понятия коррупционного преступления и выделение конкретных составов коррупционных преступлений. Необходима также согла-

сованность норм Уголовного кодекса и Закона Республики Казахстан «О борьбе с коррупцией».

Статистические показатели отдела по вопросам экономической безопасности Совета безопасности Республики Казахстан¹ свидетельствуют о том, что «коррупция, являясь одним из самых опасных проявлений, ведущих к серьезным политическим, экономическим и социальным последствиям, имеет в Казахстане снижающуюся динамику. В то же время в этом направлении государственной политики отмечается наличие нерешенных проблем.

В данном случае, очевидно, что правовая регламентация ответственности за коррупцию должна совершенствоваться. Некоторые направления для развития казахстанского законодательства в области борьбы с коррупцией подсказывают нормы международного права. Так, в частности, примером могут служить Всеобщие стандарты борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах (приняты на 71 Генеральной ассамблее Интерпола 21–24 октября 2002 в Камеруне)².

В названном документе отмечается, что «Принятием настоящих стандартов преследуется цель обеспечить, чтобы в полицейских ведомствах и органах каждого государства-члена Интерпола применялись бы высокие стандарты честности, целостности и неподкупности и профессиональной этики при выполнении ими функций охраны правопорядка и в связи с выполнением таковых. Принятием настоящих стандартов преследуется цель способствовать и поддерживать разработку каждым государством-членом Интерпола мер, необходимых для предупреждения, выявления, наказания и искоренения коррупции в полицейских ведомствах и органах в пределах нацио-

---

¹ Отдел по вопросам экономической безопасности Совета безопасности Республики Казахстан // E-mail: gmataev@global.kz.

² Всеобщие стандарты борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах (приняты на 71 Генеральной ассамблее Интерпола 21-24 октября 2002 в Камеруне).

нальных границ и привлечения к суду коррумпированных сотрудников и иных служащих полицейских ведомств и органов» (ст. 1).

Субъектом коррупции, согласно Стандартам, являются сотрудники полиции или иные служащие полицейских ведомств и органов. Понятие полицейские ведомства и органы включает каждое полицейское ведомство и каждый полицейский орган или иной официальный государственный орган, на который возложена ответственность за охрану правопорядка в пределах национальных границ государства-члена Интерпола.

В данном случае, весьма показательна для казахстанского законодательства специализация субъекта.

Понятие коррупция включает в себя:

«а. Вымогательство или принятие, прямо или косвенно, сотрудником полиции или иным служащим полицейских ведомств и органов каких-либо денежных сумм, ценных предметов, подарков, услуг, обещаний, вознаграждений или выгод для себя самого (самой) или для какого-либо лица, группы лиц или организации, в обмен на какое-либо действие или бездействие, уже совершенное или не совершенное, или которое должно быть совершено или не будет совершено в будущем, при осуществлении или в связи с выполнением какой-либо функции охраны правопорядка или функции, связанной с охраной правопорядка.

б. Предложение или предоставление, прямо или косвенно, сотрудником полиции или иным служащим полицейских ведомств и органов каких-либо денежных сумм, ценных предметов, подарков, услуг, обещаний, вознаграждений или выгод для себя самого (самой) или для какого-либо лица, группы лиц или организации, в обмен на какое-либо действие или бездействие, уже совершенное или не совершенное, или которое должно быть совершено или не будет совершено в будущем, при осуществлении или в связи с выполнением какой-либо функции охраны правопорядка или функции, связанной с охраной правопорядка.

с. Любое действие или бездействие при выполнении своих обязанностей сотрудником или иным служащим полицейских ведомств и органов, вследствие которых какое-либо лицо может быть ошибочно обвинено в совершении уголовного правонарушения или осуждено за совершение уголовного правонарушения, или которые

могут ошибочно способствовать тому, что какое-либо лицо не будет обвинено в уголовном правонарушении или будет признано невиновным в совершении уголовного правонарушения.

d. Несанкционированное распространение полицейской конфиденциальной информации или информации с ограниченным доступом за вознаграждение или иным образом.

e. Любое действие или бездействие при выполнении своих обязанностей сотрудником или иным служащим полицейских ведомств и органов с целью получения каких-либо денежных сумм, ценных предметов, подарков, услуг, обещаний, вознаграждений или выгод для себя самого (самой) или для какого-либо лица, группы лиц или организации.

f. Любое действие или бездействие, которое образует состав коррупции по тому или иному закону государства-члена Интерпола.

g. Участие в совершении или покушении на совершение либо в преступном сговоре с целью совершения любого деяния, указанного в предыдущих частях настоящей статьи, в качестве основного исполнителя, основного соучастника, инициатора, подстрекателя, сообщника, соучастника до события преступления, соучастника после события преступления или в любом ином качестве» (ст.3).

Имплементация рассматриваемого международного программного документа, по нашему мнению, поможет не только выявить и квалифицировать уголовно-наказуемые акты коррупции, но и создать предупредительный и воспитательный эффект, так как «таковые стандарты должны быть обязательными и направленными на то, чтобы понималась суть поведения в должности, и само оно было бы честным, нравственным и подходящим для сотрудника полиции, на то, чтобы избегать конфликта интересов, на то, чтобы в честном и беспристрастном исполнении закона и в связи с его исполнением ресурсы государства использовались бы надлежаще, на то, чтобы неукопнительно выполнялись функции охраны правопорядка, на то, чтобы докладывали об актах коррупции, совершенных при выполнении функций охраны правопорядка и в связи с их выполнением, на то, чтобы установилось и укрепилось доверие общества к сотрудникам полиции и полицейским ведомствам и органам как составной части системы правосудия» (ст. 4).

Примером, на наш взгляд, может служить также Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года³. В ст. 7 Кодекса говорится о том, что «Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними». В комментарии к данной статье подчеркивается, что:

а) любой акт коррупции, как и любое другое злоупотребление властью, несовместимы со служебным статусом должностного лица по поддержанию правопорядка. К любому должностному лицу по поддержанию правопорядка, совершившему акт коррупции, закон должен применяться в полной мере, поскольку правительства не могут ожидать от граждан соблюдения ими правопорядка, если они не могут или не хотят обеспечивать соблюдение законности их собственными должностными лицами и в рамках их собственных учреждений;

б) хотя понятие коррупции должно определяться в соответствии с национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или несовершение какого-либо действия при исполнении обязанностей или по причине этих обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний или стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие;

в) выражение «акт коррупции», о котором говорилось выше, следует понимать как охватывающее попытку коррумпирования».

Особое внимание отечественного законодателя, на наш взгляд, должна привлечь унификация международных норм по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций. В данном случае объектом имплементации служит Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций.

В соответствии со специальным комментарием⁴ в Конвенции рассматривается явление, ко-

торое называется «активной коррупцией» или «активным подкупом» в терминологии национальных законодательств и означает преступление, совершаемое лицом, которое обещает или дает взятку, в отличие от понятия «пассивного взяточничества», под которым подразумевается преступление, совершаемое должностным лицом, которое получает взятку.

В Конвенции не используется термин «активное взяточничество», в соответствии с которым подразумевается, что взяткодатель взял на себя инициативу предложения взятки, а ее получатель - лишь пассивная жертва. Разработчики Конвенции сделали это во избежание неправильного толкования данного термина читателями, не имеющими специальных юридических знаний. По существу, в ряде ситуаций взяткополучатель оказывает давление или вынуждает взяткодателя к даче взятки и в этом смысле он проявляет большую активность при совершении преступления.

Одной из задач Конвенции является достижение функциональной эквивалентности мер, принимаемых Сторонами в сфере наказания подкупа должностных лиц иностранных государств без выдвижения требований в отношении однородности или изменения фундаментальных принципов правовой системы конкретной Стороны.

Устанавливая стандарт, который желателен для выполнения Сторонами, Конвенция, тем не менее, в данном вопросе, выдерживает рекомендательный стиль, т.к. не обязывает Стороны точно использовать приведенную в ней терминологию при определении данного преступления в соответствии с внутренним законодательством.

Сторона может использовать различные подходы к выполнению своих обязательств при условии, что осуждение конкретного лица, виновного в совершении данного преступления, не требует доказательства новых элементов наряду с теми признаками состава преступления, которые необходимо будет доказывать в случае, если бы данное преступление определялось в соответствии с данным пунктом. Например, закон, устанавливающий общий запрет на дачу взятки субъектам деловых отношений и конкретно не

³ Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года.

⁴ Комментарий к Конвенции по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций. Принято 21 ноября 1997 года Конференцией полномочных представителей стран-членов ОЭСР.

рассматривающий подкуп должностного лица иностранного государства, и закон, специально посвященный этому преступлению, могли бы соответствовать требованиям Конвенции. Подобным же образом, закон, содержащий определение преступления в терминах платежных сделок или операций «с целью побудить должностное лицо нарушить свои официальные обязательства», мог бы соответствовать данному критерию при условии наличия понимания того, что каждое должностное лицо обязано принимать объективные и беспристрастные решения и оценки и что это было «автономное» определение, не требующее доказательства закона страны конкретного должностного лица.

В пределах Конвенции преступлением является предложение взятки для получения или сохранения деловых выгод или иных ненадлежащих преимуществ, независимо от того, является ли конкретная компания наиболее квалифицированным покупателем или участником торгов или того, что она в любом случае была бы получателем таких деловых выгод или преимуществ.

Применяемый в Конвенции термин «другие ненадлежащие преимущества» относится к тому, на получение чего конкретная компания не имела четко определенных прав, например, на лицензию на эксплуатацию предприятия, не выполняющего требований действующих законов.

Противоправное поведение, согласно Конвенции, подпадает под признаки преступления, независимо от того, предложена или обещана взятка, или материальные или иные преимущества предоставляются от имени конкретного лица или от имени другого физического или юридического лица. Такое поведение будет представлять преступление независимо от *inter alia* стоимостного выражения преимущества, его результатов, отношения ко взяточничеству, закрепленного в местных обычаях, терпимости местных властей к такого рода платежам или предполагаемой необходимости совершения платежа в интересах получения или сохранения деловой выгоды или других ненадлежащих преимуществ. Вместе с тем, не будет преступлением, если преимущества разрешены или необходимы в соответствии с писанным правом или нормативно-правовой базой страны должностного лица, включая и прецедентное право.

Мелкие «поощрительные» платежи не относятся к категории платежей, совершаемых с целью

«получения или сохранения бизнеса или иных ненадлежащих преимуществ» и, соответственно, тоже не относятся к категории преступления. Такие платежи, которые совершаются в некоторых странах для того, чтобы стимулировать выполнение своих функций должностными лицами, таких как, например, выдача лицензий или разрешений, как правило, незаконны в данном иностранном государстве. Другие страны могут и должны стремиться устранить это аморальное явление, используя такие средства, как оказание поддержки программам эффективного административного и корпоративного управления. Вместе с тем криминализация такого поведения другими странами не представляется эффективным или практичным дополнительным подходом.

На сегодняшний день рекомендации Конвенции могут быть выдержанными Казахстаном в силу многих положений самой Конвенции. Так, в частности, согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан «...обещанное или предоставленное любому лицу в предвосхищении того, что он или она будут назначены на государственную должность в иностранном государстве не попадает под признаки преступления». «Соответственным образом, если санкционирование, принуждение или одно из перечисленных действий, которые не приводят к дальнейшим действиям, не наказуемы согласно правовой системе Стороны, то тогда от Стороны и не будет требоваться применения уголовного преследования в отношении подкупа должностного лица иностранного государства».

Преступления, описанные в Конвенции, истолковываются с точки зрения их обычного содержания в национальных правовых системах.

Подобно вышеприведенному примеру из Уголовного кодекса Франции, в Конвенции инкриминируется ответственность юридических лиц. Согласно ст. 2 п. 20, «В случае, когда уголовная ответственность неприменима к юридическим лицам по правовым условиям Стороны, Страна будет обязана установить такую уголовную ответственность». Именно данное требование, возможно, на долгий срок отложит реальную возможность присоединения к Конвенции по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций, так как в соответствии с отечественной доктриной уголовного права юридическое

лицо не является ее субъектом и, соответственно, не может нести уголовного наказания.

Тем не менее, исходя из практики международного сотрудничества, примеров правовой регламентации в зарубежных странах, для наиболее эффективной борьбы с преступностью такая ответственность, по нашему мнению, должна быть предусмотрена Уголовным кодексом Республики Казахстан.

В отношении правоприменения ст. 5 признает фундаментальную природу национальных режимов усмотрения обвинительной власти. Она также признает, что для защиты независимости судебного преследования подобное усмотрение должно осуществляться на основе профессиональных мотивов и не должно быть предметом ненадлежащих влияний политического характера. Ст. 5 дополняется п. 6 Приложения к Пересмотренным рекомендациям ОЭСР в сфере борьбы с подкупом в международных деловых операциях, C(97)123/FINAL (далее по тексту «Рекомендации ОЭСР 1997 года»), который, *inter alia*, рекомендует всестороннее расследование компетентными органами жалоб на подкуп должностных лиц иностранных государств, а также предоставление национальными правительствами адекватных ресурсов для эффективного судебного преследования такого подкупа. Стороны примут эти Рекомендации, включая текущий контроль за их осуществлением и проведение последующих необходимых мероприятий.

В целом, рекомендательный характер норм Конвенции подтверждается и в других ее статьях.

В борьбе с коррупцией отечественный законодатель, на наш взгляд, должен имплементировать нормы рекомендации таких основных международных документов, как: Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.)⁵; Резолюция 54/128

Генеральной Ассамблеи, в которой Ассамблея поддержала выводы и рекомендации Совещания Группы экспертов по проблеме коррупции и ее финансовым каналам, состоявшегося в Париже 30 марта – 1 апреля 1999 года⁶; Межамериканская конвенция по борьбе с коррупцией, принятая Организацией американских государств 29 марта 1996 года⁷; Рекомендация 32 Группы старших экспертов по транснациональной организованной преступности, одобренная Политической группой восьми государств в Лионе, Франция, 29 июня 1996 года⁸; 20 директивных принципов борьбы с коррупцией, принятые Комитетом министров Совета Европы 6 ноября 1997 года⁹; Соглашение об учреждении Группы государств по борьбе с коррупцией, принятое Комитетом министров Совета Европы 1 мая 1999 года¹⁰, и Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию, принятая Комитетом министров Совета Европы 4 ноября 1998 года¹¹ и др.¹²

Особое внимание необходимо уделить нормам Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 55/61 от 4 декабря 2001 г. «Эффективный международно-правовой документ против коррупции»¹³, в которой признается целесообразность разработки нового эффективного международно-правового документа против коррупции, независимого от Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Для разработки такой конвенции Генеральный секретарь ООН должен будет подготовить доклад, содержащий анализ всех соответствующих международно-правовых и других документов и рекомендаций, касающихся коррупции, с учетом, в частности, обязательств в отношении криминализации всех форм коррупции и международного сотрудничества, нормативных аспектов коррупции и связи между коррупцией и «отмыванием денег», и представить

⁵ Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) ETS N 174.

⁶ E/CN.15/1999/10, пункты 1-14.

⁷ E/1996/99.

⁸ Резолюция 1997/22 Экономического и Социального Совета, приложение I.

⁹ См. Council of Europe, Texts adopted by the Committee of Ministers of Council of Europe, 1997, Strasbourg, France, 1998, resolution (97) 24.

¹⁰ Official Gazette of the Council of Europe: Committee of Ministers part-volume, No. V-May 1999, resolution (99) 5.

¹¹ Council of Europe, European Treaty Series, No. 173.

¹² См. www.gca-cma.org/ecorrupt.htm#prin.

¹³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/61 от 4 декабря 2001 г. «Эффективный международно-правовой документ против коррупции» (по докладу Третьего комитета (A/55/593).

его Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию на межсессионном совещании, с тем чтобы дать государствам-членам возможность представить свои замечания Комиссии до начала ее десятой сессии.

Таким образом, проблемы имплементации международных норм во внутригосударственное законодательство по борьбе с коррупцией – это требующая своего ближайшего логического разрешения сфера правовой действительности. Представляется, что имплементация еще не воспринятых механизмов борьбы с коррупцией, выработанных международным правом в Республике Казахстан, способна создать действенный прецедент, который снизит количество актов коррупции и вероятность их проявления.

Подчеркнем также, что единственным полем борьбы с коррупцией является правовое поле, а сама борьба отражает общую политику государства, направленную на противодействие преступности в целом и в экономическом секторе, в частности. Поэтому нетрудно выявить ряд закономерностей, предубеждающего свойства. В данном случае, приведем мнение казахстанского ученого А. А. Темербекова, который отмечает, что «... появление коррупции, точнее, ее распространение, за безопасные для общества в целом границы воздействия, – индикатор неблагополучия не отдельной цепи в механизме социального устройства, а сбоя «законов сборки» данной конкретно-исторической формы социума. Их параметрами определяются системные взаимоотношения социально-экономических, политических и идеологических оснований общества. Именно их нарушение превращает коррупцию из социального явления взяточничества в социальный феномен компенсации ресурса господствующей экономической корпорации, а процесс ее распространения – в закон уже асоциального движения конкретной социальной системы. Борьба с закономерностью, проявляющейся на социальном уровне как феномен, одними лишь, притом локальными полицейскими, административными или уголовно-правовыми способами не бесполезно, но бессмысленно...»¹⁴.

На примере борьбы с коррупцией, вероятно, мы можем говорить о недостаточности, о непол-

ноценной рецепции норм международного права. В отношении норм рекомендательного характера данная проблема стоит особенно остро. Имея обобщенную направленность, эти нормы ждут своего воплощения в условиях правовой реальности национальных систем. Следовательно, имплементированная норма – рекомендация, в конечном счете, может быть либо интерпретирована с учетом внутригосударственных политико-правовых программ, либо имплементации вовсе не произойдет. Государство, соответственно «отстранится» от международных усилий в борьбе с теми или иными проявлениями преступности, результативность которых возможна лишь в сообществе.

В современном же обществе данный процесс можно назвать рудиментным, так как интернационализация криминальных явлений требует более тесного сотрудничества между государствами в целях борьбы с преступностью. Уже давно, когда государства столкнулись с некоторыми преступными проблемами международного характера, они попытались решить их путем более тесного сотрудничества в законодательной сфере и координации своего законодательства. Эти вопросы рассматривались на различных форумах и находили в конечном итоге свое выражение в более или менее эффективных конвенциях и соглашениях.

Что касается норм – рекомендаций, то они являются примером и содержанием наиболее ценного и уникального способа воздействия на волю и правосознание государств. Будучи не обязательными и не подкрепленными различными мерами принудительного воздействия нормы – рекомендации по всем сферам борьбы с преступностью, – это предложения, напутствия, рассчитанные на добровольную имплементацию странами – участницами. Однако, нельзя при этом думать, что это «напутствия» в буквальном смысле слова. Это нормы, выработанные международным сообществом, лучшими представителями различных стран мира. В их основе – научные, теоретические, научно-практические, статистические, исторические и другие фундаментальные показатели. Ярким примером выработки норм-рекомендаций являются Конгрессы ООН, Резо-

¹⁴ Темербеков А.А. Теоретические проблемы борьбы с преступностью в Республике Казахстан в условиях глобализации: Автореф. дис. ... докт. юр. н. Алматы, 2005. С. 28-29.

люции международных и межправительственных организаций, круглых столов и т.п.

Рецепция же норм-рекомендаций – это особая сфера исследования, связанная, по нашему мнению, прежде всего, с проблемами национального права. На примере Казахстана мы наблюдаем множество сложнейших коллизий, более не нормативного, а политико-правового характера. Складывается мнение о том, что в основании внутринациональных проблем и, в частности, связанных с имплементацией международных норм, стоят проблемы отечественного правосопонимания, «правового менталитета».

Многие внутринациональные вопросы нуждаются в своем разрешении в духе реформирования общественных и государственных институтов. Проблема имплементации во многом соприкасаются с этим явлением. Нельзя упускать из виду тот факт, что наша республика – молодое суверенное государство, начавшая свой самостоятельный путь исторического развития на развалинах социализма, унаследовав общеправовые догматы построения и функционирования общества.

Кроме того, Казахстан фактически – «новичок» в сложнейших международных правовых связях. Опыт нашей республики не велик, но тенденции к вживаемости в слаженную систему международного сотрудничества уже проявлены. На протяжении более десяти лет Казахстан имплементировал особо важные нормы международного права; он стал участником многих международных договоров. В некоторых сферах Казахстан стал инициатором международного сотрудничества (СМВДА). Это особенно важно в вопросах борьбы с преступностью. На сегодняшний день в соответствии со спецификой отечественной системы права (романо-германская) мы имеем кодифицированный акт, в соответствии с которым действия виновных могут быть инкриминированы и назначена уголовная ответственность. Однако, действием Уголовного кодекса казахстанский законодатель не ограничивается и расширяет сферу регламентации недозволенного поведения и способов противодействия ему посредством отраслевых законов и подзаконных актов. Пример тому – Закон о борьбе с терроризмом; Закон о борьбе с коррупцией и др. Это первый и очень важный этап имплементации основных рекомендаций международного сообщества в борьбе с преступностью.

Мы считаем, что последующие этапы будут реализованы в более тесном «правовом» контакте с нормативной практикой международного права, даже если для этого понадобятся доктринальные изменения в действующем законодательстве Республики Казахстан. Данный вывод не безоснователен, так как перспективы совершенствования механизма имплементации ограничиваются не только проблемами внутригосударственного права, но и различными доктринальными основаниями. Это, в частности, касается таких вопросов, как соотношение внутригосударственного и международного права и реального, действующего в условиях законодательства определения их правового приоритета по отношению друг к другу; соотношения доктрины ответственности юридического лица, содержащейся в основных международных документах рекомендательного характера и доктрины непризнания уголовной ответственности за юридическим лицом в действующем законодательстве Республики Казахстан и многое др.

В решении указанных коллизий, а также других проблем, влияющих на совершенствование механизма имплементации международных норм рекомендательного характера, главное, на наш взгляд, помнить, что эти рекомендации не выходят за рамки пожеланий, приглашений и не принимают во внимание национальное законодательство, регулирующее принятие соответствующих решений. При решении вопросов борьбы с преступностью рекомендации исходят из того, что признание достоинства, присущего всем членам человеческого общества, а также их равных и неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости и мира во всем мире, т.е. утверждают неразделимость целей обеспечения международной и национальной безопасности; защиты и охраны человека от преступных посягательств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года.
2. Комментарий к конвенции по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций. Принято 21 ноября 1997 года Конференцией полномочных представителей стран-членов ОЭСР.
3. Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (Страсбург, 4 ноября 1999 г.) ETS N 174.

4. E/CN.15/1999/10.
5. E/1996/99.
6. Резолюция 1997/22 Экономического и Социального Совета, приложение I.
7. Всеобщие стандарты борьбы с коррупцией в полицейских ведомствах и органах (приняты на 71 Генеральной ассамблее Интерпола 21-24 октября 2002 в Камеруне).
8. Council of Europe, Texts adopted by the Committee of Ministers of Council of Europe, 1997, Strasbourg, France, 1998, resolution (97) 24.
9. Official Gazette of the Council of Europe: Committee of Ministers part-volume, No. V-May 1999, resolution (99) 5.
10. Council of Europe, European Treaty Series, No. 173.
11. www.gca-cma.org/ecorrupt.htm#prin.
12. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 55/61 от 4 декабря 2001 г. «Эффективный международно-правовой документ против коррупции» (по докладу Третьего комитета (A/55/593)).
13. Отдел по вопросам экономической безопасности Совета безопасности Республики Казахстан // E-mail: gmataev@global.kz.
14. *Темербеков А.А.* Теоретические проблемы борьбы с преступностью в Республике Казахстан в условиях глобализации: Автореф. дис. ... докт. юр. н. Алматы, 2005.